

3. Gorodnia N. D. Shidna Aziya u zovnishniy politytsi SSHA / N. D. Gorodnia. – K., 2014.

4. 2003 Declaration of ASEAN Concord II [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.icnl.org/research/library/files/Transnational/2003Declaration.pdf>

5. Acharya, Amitav. Constructing a Security Community in Southeast Asia. ASEAN and the Problems of Regional Order / Amitav Acharya. – London and New York, 2001.

6. ASEAN Declaration (Bangkok Declaration) [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.asean.org/news/item/the-asean-declaration-bangkok-declaration>

7. Contemporary Southeast Asia. Regional Dynamics, National Differences / Edited by Mark Beeson. – New York, 2004.

8. Declaration of ASEAN Concord, Bali, 24 February 1976 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.asean.org/news/item/declaration-of-asean-concord-indonesia-24-february-1976>

9. Globalization in Southeast Asia. Local, National and Transnational Perspectives / Ed. by Shinji Yamashita and J. S. Eades. – New York, Oxford, 2003.

10. Pitsuwan, Surin. Southeast Asia in Transformation. October–31–2007 / Surin Pitsuwan // Beijing Review [Electronic resource]. – Access mode: http://www.bjreview.com.cn/qanda/txt/2007-10/31/content_84596_2.htm

11. Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia, Indonesia, 24 February 1976 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.asean.org/news/item/treaty-of-amity-and-cooperation-in-southeast-asia-indonesia-24-february-1976-3>

Gorodnia N. D., Doctor of History, docent, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History of Foreign Nations, History Department, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine, Kyiv), ngor@ukr.net

ASEAN as a Model of Southeast Asian Nations' Regional Interaction

The paper studies the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) as a regional organization and a model of interstate interaction in a complex regional environment. Its methodology is based on a system regional approach, and special methods of historical research. The study reveals that ASEAN is a specific model of regional integration which considers differences of Southeast Asian nations and peculiarities of their development, and effectively responds to global changes. Its fundamental principles and priorities have been evolving, according to changes of international situation. What remains unchangeable is the vision that regional cooperation and common position on international arena promote social and economic development of member states, strengthen their posture in relations with great powers and ensure regional stability. As a result Southeast Asia has become a center of dynamic economic growth, and ASEAN has formed a core of a new regional architecture in East Asia, Asia Pacific and Indo-Pacific.

Keywords: ASEAN, Southeast Asia, regional models of interstate interaction.

Городня Н. Д., доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран исторического факультета, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина, Киев), ngor@ukr.net

АСЕАН как модель регионального взаимодействия государств Юго-Восточной Азии

Целью статьи является освещение принципов функционирования АСЕАН как региональной организации и модели взаимодействия государств в сложной региональной среде. В основе методологии исследования – системный региональный подход, общенаучные и специальные методы исторического исследования. Показано, что АСЕАН является специфичной моделью региональной интеграции, которая учитывает особенности развития государств Юго-Восточной Азии и в то же время эффективно реагирует на глобальные изменения. Ее основополагающие принципы и приоритетные задачи эволюционировали в зависимости от изменений международной ситуации. Неизменным оставалось видение, что региональное сотрудничество и общая позиция на международной арене способствуют социально-экономическому развитию государств-членов, усиливают их позицию в отношениях с «великими державами», обеспечивают региональную стабильность. В результате Юго-Восточная Азия стала центром динамического экономического роста, а АСЕАН – ядром новой региональной архитектуры Восточной Азии и АТР.

Ключевые слова: АСЕАН, Юго-Восточная Азия, региональные модели межгосударственного взаимодействия.

* * *

УДК 929Мильтиад:347.951.3(494–25)

Волканов С. И., аспирант, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса), hildebrand@nextmail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧНОСТИ ДЕКРЕТА МИЛЬТИАДА

Рассматривается декрет Мильтиада, который в научной среде вызвал оживленную полемику, разделив историков на тех, кто отрицает его существование, считая его подделкой IV в. до н.э., и тех, кто признает его историчность. Автор предлагаемой статьи пробует обосновать историчность того, что народное собрание Афин в 490 г. до н.э. приняло так называемый декрет Мильтиада в числе прочих мероприятий по подготовке к отражению вторжения персидского войска в Аттику. Здесь проанализированы и обобщены предпосылки, побудившие Мильтиада предложить свой декрет, как план действий по отражению внешней опасности. Также предпринята попытка разобраться в том правомерно ли называть Мильтиада автором или вдохновителем упомянутого выше декрета, или он к нему не имел никакого отношения.

В ходе исследования установлено, что рассматриваемый декрет в целом является выражением политического курса Мильтиада и тех групп афинского общества, которые прикинули к нему. Мильтиад вместе со своими политическими союзниками выступал за активные боевые действия против персов, несомненно, это и явилось центральным пунктом выдвигаемого им декрета в спешке утвержденного народным собранием Афин.

Ключевые слова: псефизма, народное собрание, стратег, полемарх, политические группировки.

(статья друкється мовою оригіналу)

Предметом исследования в этой статье выступает так называемый декрет Мильтиада, который в научной среде вызвал оживленную полемику, разделив историков на тех, кто отрицает его существование, считая его подделкой демократов IV в. до н.э., и тех, кто признает его историчность. Такой различный подход к декрету Мильтиада вызван тем, что он не упоминается в источниках V в. до н.э., а относится к более поздним, и тем, что ссылки на текст этого документа у древних авторов между собой имеют определенные противоречия. Автор предлагаемой статьи пробует обосновать историчность того, что народное собрание Афин в 490 г. до н.э. все же приняло определённую псефизму, (которая послужила основанием для возникновения в IV в. до н.э. традиции о декрете Мильтиада), в числе прочих мероприятий по подготовке к отражению вторжения персидского войска в Аттику. Также здесь предпринята попытка разобраться в том правомерно ли называть Мильтиада автором или вдохновителем упомянутого выше декрета, или он к нему не имел никакого отношения.

Как правило, проблема декрета Мильтиада в монографиях и исследованиях историков часто не фигурирует, что говорить, если этой теме даже до сих пор не уделили отдельной статьи, упоминая ее в большинстве случаев либо вскользь, либо как небольшой структурный отдел. Однако отметим работы, (особо не вдаваясь в проблему того, кто из историков поддерживает историчность декрета Мильтиада, а кто нет), в которых в той или иной степени освещена данная проблема. Прежде всего, начнем со статьи К. Хабихта «Фальшивые документы по истории Афин эпохи греко-персидских войн». Хабиخت утверждает, что декрет Мильтиада является не более чем подделкой IV в. до н.э. с целью политической пропаганды [1, с. 20]. Дебра Хамель, также склонна отрицать Декрет Мильтиада, отмечая при этом совершенно роль Мильтиада в мобилизации афинян [2, с. 164–167]. Из авторов, которые в той или иной мере поддерживают историчность

декрета Мильтиада, перечислим Н. Хаммонда [3, с. 33–34], П. Кренца [4, с. 201], Й. Шрайнера [5, с. 56], Р. Томаса [6, с. 85], Л. Скотта [7, с. 604–605], В. Лоудера [8, с. 17–18], У. Хоу [9, с. 53].

Основные сведения о декрете Мильтиада можно почерпнуть из Аристотеля [10, с. 400], Демосфена [11, с. 444], Корнелия Непота [12, с. 8] и Павсания [13, с. 252]. В сохранившихся до нашего времени источниках V в. до н.э. не упоминается о декрете Мильтиада; первые упоминания о нем относятся к IV в. до н.э. Этот факт бросает тень на историчность декрета Мильтиада, например Геродот, посвятивший свою работу описанию греко–персидских войн умалчивает о подобной псефизме. Несмотря на это, афинское народное собрание должно было вынести определенное постановление, о выступлении ополчения против персов, так как ни одно жизненно важное решение в демократических Афинах не могло обойтись без его утверждения в народном собрании [4, с. 201]. Другой вопрос было ли оно тогда письменно зафиксировано и выставлено для народного обозрения, если учесть напряженность и растерянность, витавшую в Афинах, когда вражеское войско было уже на аттической земле. Даже если и так, то утверждения Аристотеля и Демосфена должны были опираться на устоявшуюся к тому времени традицию, истоки которой могли уходить к недошедшему до нашего времени источнику. В частности Л. Скотт выдвигает Гелланика как возможного автора этой традиции [7, с. 604]. Заметим, что традиция, послужившая источником для Аристотеля и Демосфена, должна была быть достаточно распространена среди афинян, так как ссыла на псефизму Мильтиада была озвучена Эхином перед многочисленным собранием граждан. Древнегреческие ораторы не упускали случая сослаться на прошлое Афин, для создания контраста между современностью и эпохой греко–персидских войн, поэтому ими избирались, как правило, хорошо известные широкой аудитории сюжеты.

Теперь обратимся к содержанию декрета Мильтиада. Из Аристотеля мы узнаем следующее «Κηφισόδοτος... παρακαλῶν ποτὲ τοὺς Ἀθηναίους εἰς Εὐβοίαν ἐπιστισταμένους ἔφη δεῖν ἐξίέναι τὸ Μιλτιάδου ψήφισμα». «Кефисодот... призывает афинян, говоря что, нужно запасшись продовольствием отправляться в поход на Эвбею, как по декрету Мильтиада» [10, с. 400]. Это предложение Кефисодота относится к 357 г. до н.э., когда афиняне освободили Эвбею от Фив. По поводу этого отрывка из Аристотеля Л. Скотт делает следующее замечание: перед нами предложение Мильтиада идти на выручку эретрийцам, когда те просили помощи у афинян, (как сообщает Геродот, на помощь эвбейцам были посланы 4000 клерухов [13, с. 250]), или это пример того как афиняне собрались и быстро выступили на Марафон в 490 г. до н.э., но только уже для афинян 357 г. до н.э. перед походом в Эвбею? [7, с. 604]. Также подробно на этом отрывке останавливается Лоудер [8, с. 17–18]. Он критикует Дж. Мунро, за то, что тот утверждает, что единственным возможным контекстом для декрета Мильтиада является персидское вторжение в Эретрию, и что, мол, с целью спасти эвбейских союзников выступило афинское ополчение, которое, не добравшись до Оропа поменяло свой маршрут, вследствие того, что персидские силы разделились. Также Мунро полагал, что, так как псефизма является обязывающим документом, то ее

может отменить только другая псефизма. И ввиду того, что в источниках не упоминается, чтобы декрет Мильтиада отменили, значит, он был выполнен. Аргументирует свои тезисы Лоудер следующим. Во–первых, источники ясно говорят, что афиняне выступили из города после того как пала Эретрия, и персы высадились на Марафоне. И в то же время, нигде не говорится о том, что персы разделили свои силы. Во–вторых, псефизма об оказании помощи Эвбею должна была потерять свою законную силу после падения Эретрии. И у афинян попросту не было времени, чтобы отменять эту устаревшую псефизму из–за стремительного наступления персов [8, с. 17–18].

Из выше сказанного можно прийти к следующему выводу. Либо декрет Мильтиада содержал в себе предложение оказать помощь Эретрии, но он не был выполнен из–за ее быстрого падения, либо, скорее всего рассматриваемый отрывок Аристотеля относится применительно к ситуации 357 г. до н.э., с целью стимулировать афинян для быстрого выступления на Эвбею.

Сведения из Демосфена не могут каким–то существенным образом дополнить информацию о декрете Мильтиада. В схолиях к XIX речи Демосфена констатируется следующий факт: «ὁ μὲν γάρ Μιλτιάδης, ὅτε ἐπῆλθον οἱ Πέρσαι, ἔγραψεν ὥστε εὐθύς ἀπαντῆσαι τοῖς πολεμίοις» – «ведь Мильтиад же когда приближались персы, внес предложение, чтобы прямо выступить навстречу врагу» [3, с. 34].

Следующий интересующий нас эпизод находится у Корнелия Непота [12, с. 380]. Он сообщает о том, что среди стратегов было разногласие, следует ли выступить навстречу неприятелю или остаться оборонять город. Только один Мильтиад был сторонником активных действий. В итоге его мнение возоблдало, и после прибытия подкрепления из Платей, объединённое войско выступило в поход. Ситуация до боли напоминает дебаты стратегов при Марафоне. Однако некое обсуждение дальнейших действий, пока войско оставалось в городе, могло иметь место. Ведь как–никак, для выступления афинского ополчения требовалась санкция народного собрания. Кроме того, отрывок Непота однобокий, так как чрезмерно восхваляет Мильтиада. Едва ли один Мильтиад смог бы провести свое решение, без сильной поддержки, как и изнутри коллегии стратегов, так и без помощи части аристократов и группировки Фемистокла. Скорее, этот отрывок можно трактовать как волнение настроений, охватившее афинян перед битвой на Марафоне. Но не свидетельствует ли данный отрывок о том, что в чрезвычайной ситуации управление Афинами было передано в руки коллегии стратегов? Такое предположение кажется не лишённым оснований. Так, Геродот говорит, что стратеги отправили в Спарту скорохода Фидиппида за помощью, что свидетельствует о большой свободе действий стратегов, так как здесь не упоминается ни совет, ни экклесия [14, с. 256]. Помимо этого, афиняне должны были предпринять другие военные приготовления как, например: установка сторожевых постов, эвакуация мирного населения Аттики за стены Афин и др., скорее всего всеми этими предприятиями должны были руководить стратеги, как наиболее оперативные военные чиновники. (Тут следует добавить, что Геродот в вышеприведённом отрывке говорит о стратегах, а не полемархе, что лишь

ещё больше вызывает вопросов о степени субординации между ними). Другой вопрос – насколько это замечание Геродота относится к реалиям начала V в. до н.э. Не отражена ли здесь та роль, которую стратеги занимали в середине V в. до н.э. [7, с. 605]. Добавим также, что у авторов римского времени имеется тенденция изображать Мильтиада как вдохновителя, так и номинального военачальника афинян, при этом у Корнелия Непота и Юстина [15] полемарх вообще не упоминается. Возможно, что обе версии вышеупомянутых авторов относятся к Эфору [9, с. 52].

Судя по всему, в содержании декрета Мильтиада, в передаче Павсания, могла идти речь об освобождении и вооружении определенного количества рабов для того, чтобы пополнить ряды защитников Афин [14, с. 252]. Западные историки в своем большинстве признают истинным это упоминание Павсания, тем более, это не был какой-то единичный случай в истории Греции [16, с. 27]. Но, почему афиняне решили освободить часть рабов, когда у них была в наличии ещё целая прослойка фетов, которая до реализации морской программы практически не участвовала в войнах. (Впрочем, совершенно отрицать службу фетов в качестве легковооружённых солдат, представляется слишком поспешным выводом). В связи с этим П. Хант считает, что широкое применение фетов в военной сфере могло пошатнуть верховенство голплитов и аристократов. А освобождение рабов не было чревато опасностью того, что те впоследствии возьмут на себя какую-либо значительную политическую роль. Также, это могло усилить позиции крупных рабовладельцев, которые подобной акцией одновременно могли исполнить экстренную литургию и, тем самым, создать себе благоприятную репутацию. От себя добавим, что разовое участие фетов в качестве легковооружённых воинов в Марафонской битве едва ли бы существенным образом изменило политическую ситуацию в Афинах. Вся слава победителей, вне всяких сомнений при таком раскладе, досталась бы голплитскому ополчению и аристократу Мильтиаду, которые нанесли главный удар по вражескому войску. Впоследствии, создание флота, в котором на постоянной основе были задействованы беднейшие слои афинского общества, явилось одним из рычагов, который изменил тон политики Афин.

Что касается вопроса, правомерно ли приписывать принятый афинянами декрет Мильтиаду, то в связи с этим следует кратко обрисовать политическую обстановку в Афинах в начале V в. до н.э. Начнем с того, что в Афинах первой декады V-го в. до н.э. было несколько политических группировок: 1) проперсидская группировка возглавляемая родственником бежавшего из Афин тирана Гиппия Гиппархом. Они замыслили реставрацию Писистратидов в Афинах и налаживание дружественных отношений со Спартой. 2) Группировка Алкмеонидов, возглавляемая Ксантиппом. Выступала за мирное урегулирование конфликта с Персией, и в то же время была против Писистратидов и являлась носителем антиспартанских настроений. 3) Также в 490-гг. до н.э. отколовшись от Алкмеонидов возникла группировка Фемистокла, в которую вошли все те, кто не был согласен с политическими предпочтениями группировок Гиппарха и Ксантиппа. Это новое движение быстро набрало силу, так что Мильтиад был избран архонтом-эпонимом в 493/492 г. до н.э.

После своего возвращения в Афины в 493 г. до н.э. и оправдания в процессе о тирании, Мильтиад сплотил вокруг себя свою собственную группировку, к которой могли примкнуть многие аристократы. Фемистокл, чьи политические взгляды отчасти совпадали с взглядами Мильтиада, сотрудничал с ним [17, с. 234–235]. Такое объединение сил давало перевес над Ксантиппом и Гиппархом. Мильтиад даже отстранил на задний план Фемистокла, который уже успел себя зарекомендовать на политической арене Афин. Также на некоторое время была заморожена морская программа Фемистокла, последний мог пойти на такие уступки лишь из-за весьма непростого положения в городе. Такая коалиция не могла быть прочной, и вскоре после отражения непосредственной опасности она распалась. Мильтиад, должен был занимать высшие посты в государстве, чтобы оказывать прямое и косвенное влияние на политику Афин рассматриваемого периода, и в этом плане ему наиболее подходила должность стратега. Как известно коллегия стратегов начала официально функционировать в Афинах с 501/0 г. до н.э. В зависимости от того, как рассматривать отношения между стратегами и полемархом, зависит в значительной степени интерпретация авторства декрета Мильтиада. Автор этой статьи разделяет мнение, что стратеги в 501/0–487 гг. до н.э. окончательно отодвинули полемарха на задний план, переняв на себя всю инициативу исполнительного военного командования [18, с. 118–126]. Поэтому Мильтиад и был избран стратегом в 490 г. до н.э., так как эта должность на государственном уровне позволяла ему стать одним из идейных руководителей политики Афин. Отсюда можно заключить, что принятый афинянами декрет перед Марафонской битвой был всецело в духе проводимой политики Мильтиада, и был ему выгоден. Кажется верным замечание У. Хоу, что убедивши граждан принять декрет, Мильтиад был истинным автором стратегии и позже тактики, которая одержала победу на Марафоне [9, с. 53]. Так что, вполне вероятно, что сам Мильтиад был инициатором утверждения предложенной им псефизмы в народном собрании.

Исходя из выше рассмотренного, декрет Мильтиада едва ли можно считать подделкой IV в. до н.э., так как он в целом является выражением политического курса Мильтиада и тех групп афинского общества, которые примкнули к нему. Хотя текст декрета до нашего времени не дошел (вопрос все еще открыт, была ли письменно зафиксирована псефизма Мильтиада после её утверждения, в той чрезвычайной ситуации, которая сложилась в Афинах перед битвой на Марафоне), однако мы можем получить определенные сведения о том, о чем там шла речь. Так представляется вполне реальным то, что накануне решительных действий в Афинах возникли разногласия, (которые могли поддерживаться проперсидски настроенными афинянами), насчёт тактики ведения войны. В городе была непростая ситуация, различные политические группировки тянули одеяло в свою сторону. Мильтиад понимал, что опасность предательства резко возрастёт в том случае, если Афины будут осаждены, поэтому он со своими союзниками ратовал за выступление на персов, что должно было стать центральным пунктом выдвигаемого им декрета. Для этого Мильтиаду требовалось мобилизовать максимальное количество бойцов, поэтому в предложенном им декрете, могло говориться об освобождении части рабов для несения военной службы. Что касается предполагаемой

помощи Эретрии, то вероятно в декрете Мильтиада о ней не упоминалось. Так как еще до этого на Эвбею был отправлен корпус афинских клерухов, которые затем, скорее всего, присоединились к остальному ополчению афинян. Показательно то, что стратеги отправили гонца в Спарту за помощью, что можно расценивать как вызванную чрезвычайными обстоятельствами временную передачу управления Афин стратегам, либо как модернизацией содержания декрета автором середины V в. до н.э., хотя имеется немало доводов поддерживающих первое предположение. В конечном счёте, мнение группировки Мильтиада восторжествовало, и экклесия дала санкцию на реализацию его программы.

Список использованных источников

1. Habicht C. Falsche Urkunden zur Geschichte Athens im Zeitalter der Perserkriege, Hermes 89 (1961) 1–35 p.
2. Hamel D. Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998. – 250 p.
3. Hammond N. G. L. The Campaign and the Battle of Marathon. The Journal of Hellenic Studies. Vol.88 (1968), pp. 13–57.
4. Fagan G. G., Trundle M. New Perspectives on Ancient Warfare. History of Warfare, 59. Leiden/Boston: Brill, 2010. xiii, 372 pp.
5. Schreiner J. H. Two Battles and Two Bills: Marathon and the Athenian Fleet. The Norwegian Institute at Athens. Monographs, vol.3. Oslo: The University of Oslo, 2004. viii, 159 pp.
6. Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens, Rosalind Thomas. Cambridge Studies in Oral and Literate Culture, vol.18. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. xiii + 321 pp.
7. Scott L.: Historical Commentary on Herodotus Book 6. Leiden/Boston: Brill 2005. XII, 716 pp. (Mnemosyne Suppl. 268).
8. Loader W. R. Questions about Marathon. Vol.16, No.46 (Jan., 1947), pp. 17–22.
9. How W. W. Cornelius Nepos on Marathon and Paros. The Journal of Hellenic Studies Vol.39 (1919), pp. 48–61.
10. Aristotle. Art of Rhetoric, Volume XXII (Loeb Classical Library No.193). Harvard University Press, 1926. – 544 p.
11. Demosthenes. Orations: De Corona, De Falsa Legatione (Loeb Classical Library No.155) (Volume II). Harvard University Press, 1926. – 496 p.
12. Cornelius Nepos: On Great Generals. On Historians (Loeb Classical Library No.467). Harvard University Press, 1929. – 368 p.
13. Pausanias: Description of Greece, Volume III, Books 6–8 (Loeb Classical Library No.272). Harvard University Press, 1933. – 448 p.
14. Herodotus. The Persian Wars, Volume III: Books 5–7 (Loeb Classical Library No.117). Harvard University Press, 1938. – 592 p.
15. <http://www.forumromanum.org/literature/justin/texte2.html>
16. Hunt P. Slaves, Slaves, Warfare, and Ideology in the Greek Historians. Cambridge–New York–Melbourne: Cambridge University Press, 1998. – 260 p.
17. Robinson C. A., Jr. The Struggle for Power at Athens in the Early Fifth Century. The American Journal of Philology Vol.60, No.2 (1939), pp. 232–237.
18. Hammond N. G. L. Strategia and Hegemonia in Fifth-Century Athens. The Classical Quarterly (New Series) / Vol.19 / No.01 / 1969, pp. 111–144.

Volcanov S. I., graduate student, Odessa I. I. Mechnikov National University (Ukraine, Odessa), hildebrand@nextmail.ru

On the problem of the historicity of Miltiades decree

This article deals with the decree of Miltiades, which has caused much controversy among historians, dividing them on those who deny its existence, considering it as a forgery of the IV century BC, and those who recognize its historicity. The author of the present article tries to prove historicity of fact that the Athenian ecclesia adopted the so-called decree Miltiades among other measures to repel the invasion of the Persian army in Attica in 490 BC. There are analyzed and summarized the preconditions that prompted Miltiades to offer his decree as a plan of action to repel external threat. The author also tries to make sense it is legitimate to call Miltiades as the author or as inspirer of the above-mentioned decree, or he had no connection with it.

During research it is established that the considered decree in general was an expression of the political course of Miltiades and those groups of the Athenian society who joined him. Miltiades with his political allies advocated active combat operations against the Persians; undoubtedly, it was the central point of the decree which he put forward, and in the rush approved by the Athenian ecclesia.

Keywords: decree, Athenian ecclesia, strategos, polemarchus, political factions.

Волканов С. І., аспірант, Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса), hildebrand@nextmail.ru

До проблеми історичності декрету Мільтиада

Розглядається декрет Мільтиада, який в науковому середовищі викликав жваву полеміку, розділивши істориків на тих, хто заперечує його існування, вважаючи його підробкою IV ст. до н.е., і тих, хто визнає його історичність. Автор цієї статті пробує обґрунтувати історичність того, що народні збори Афин у 490 р. до н.е. прийняли так званий декрет Мільтиада серед інших заходів з підготовки до відбиття вторгнення перського війська в Аттику. Тут проаналізовано й узагальнено передумови, що спонукали Мільтиада запропонувати свій декрет, як план дій для боротьби з персами. Також тут зроблена спроба розібратися в тому чи правомірно називати Мільтиада автором або натхненником згаданого вище декрету, або він до нього не мав ніякого відношення.

У ході дослідження встановлено, що розглянутий декрет в цілому являється виразником політичного курсу Мільтиада і тих груп афінського суспільства, які приєдналися до нього. Мільтиад разом зі своїми політичними союзниками виступав за активні бойові дії проти персів, безсумнівно, це і стало центральним пунктом висунутого їм декрету в поспіху затверженого народними зборами Афин.

Ключові слова: псефізма, народні збори, стратег, полемарх, політичні уруповання.

* * *

УДК 719.3

Алиева Р.,
кандидат архітектури, завідувачий відделом
«Проблеми реставрації і збереження архітектурних
пам'яток», Інститут архітектури і мистецтва НАНА
(Азербайджан, Баку), rus_rahimli@yahoo.com

ИСТОРИКО–ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ЗАПОВЕДНИК ГАЛА

Согласно распоряжению Кабинета Министров Азербайджанской Республики, деревня Гала была объявлена Государственным историко–этнографическим заповедником в 1988 году. 216 архитектурные и археологические памятники включены в заповедник. 1 оборонительная крепость, 3 бани (хамам), 5 мечетей, 4 водоохранилища, подземные гробницы, дороги и другие исторические памятники воссоздают полный историко–архитектурный облик села. Жилые здания этого заповедника привлекает внимание людей к его внутренней композиции. Такой вид архитектурного и археологического наследия и этнографии заповедника Гала всегда привлекает внимание туристов.

Ключевые слова: Гала резервные, мечеть, водоохранилище, Дважды дымоход дома.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Азербайджан – страна, обладающая богатой историей. Наши земли богаты материально–культурными памятниками, которые говорят о многовековом историческом прошлом народа. Действие памятников на науку, на развитие образования и культуры, патриотический дух, на формирование морального и эстетического воспитания, на развитие туризма незаменимы. С точки зрения, особая роль играет исторические заповедники. Сегодня очень актуально изучение, сохранение и использование этих архитектурных наследий. В результате целенаправленных мероприятий, проводимых Государством в направлении развития специально охраняемых заповедников, в настоящее время на территории республики 6308 исторических и культурных памятников были взяты под охрану государства, и действуют 27 государственных исторических, культурных, архитектурных, художественных и этнографических заповедников.

Целью работы является анализ этнокультурных особенностей формирования историко–культурной ценности Историко–Этнографического заповедника Гала. По решению правительства Азербайджанской Республики